

УДК 811.111

<https://doi.org/10.36906/KSP-2022/50>

Семенова Т.И.

ORCID: 0000-0002-8929-699X, д-р филол. наук

Скулимовская Д.А.

ORCID: 0000-0003-0256-390X

Иркутский государственный университет

г. Иркутск, Россия

КОСВЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ЕГО АКТУАЛИЗАЦИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья представляет исследование лингвистических средств и когнитивных механизмов сдвига фокуса внимания в косвенном выражении иллокуции предупреждения в англоязычном политическом дискурсе. В статье обосновывается прагматический потенциал косвенного речевого акта предупреждения. Авторы приходят к выводу о том, что в политическом дискурсе адресант уклоняется от использования эксплицитных, перформативных форм выражения предупреждения, и косвенный речевой акт позволяет эффективнее реализовать коммуникативные интенции адресанта.

Ключевые слова: косвенный речевой акт; речевой акт предупреждения; политический дискурс, иллокутивная сила.

Semenova T.I.

ORCID: 0000-0002-8929-699X, Ph.D.

Skulimovskaya D.A.

ORCID: 0000-0003-0256-390X

Irkutsk State University

Irkutsk, Russia

INDIRECT SPEECH ACT OF WARNING AND ITS REALIZATION IN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The study considers the indirect speech act of warning in English political discourse. The paper brings into focus linguistic means and cognitive operations of focus shift which enable the speaker to indirectly express the illocution of warning. The study highlights the pragmatic potential of the indirect speech act of warning in English political discourse. Of central concern in the study is the issue that the speaker avoids using performative forms of expression the illocution of warning in political discourse in order to implement the communicative intentions indirectly.

Keywords: indirect speech act; speech act of warning; political discourse, illocutionary force.

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы речевой акт понимается как целенаправленное взаимодействие адресанта и адресата при создании дискурсивного значения в коммуникативном процессе [6; 10; 11]. Взаимодействие дискурса, речевого акта и высказывания позволяет обнаружить определенную иерархию, структурирующую дискурс как сложную систему знаний, которые могут быть представлены посредством высказываний и речевых актов [6, с. 99]. Дискурс предстаёт как «область существования речевого акта» [6, с. 93]. Речевые акты в политическом дискурсе типологизированы в ракурсе функциональной семиотической триады «интеграция – ориентация – агональность/агрессия», посредством которых реализуется и воспринимается борьба за власть [12, с. 285-298]. Исследование коммуникативно-прагматических характеристик речевого акта предупреждения в политическом дискурсе свидетельствует о дискурсивном потенциале иллокутивной силы предупреждения в реализации власти [8]. Целью статьи является исследование языковых средств и когнитивных механизмов формирования иллокутивной семантики косвенного речевого акта предупреждения в политическом дискурсе.

Политическому дискурсу свойственны две диаметрально противоположные характеристики, с одной стороны – понятийная точность, с другой – смысловая неопределенность [12, с. 67]. Точность обозначения является свидетельством профессионализма в любой сфере, в том числе и в политической коммуникации, о чем свидетельствует выбор политиками в определённых коммуникативных ситуациях однозначных, недвусмысленных номинаций. Однако однозначные, прямолинейные высказывания могут вызвать у аудитории, в поддержке которой заинтересован политический деятель, неприятие, несогласие, протест и даже привести к созданию конфликтной ситуации. Семантически и прагматически обусловленная неопределенность и некатегоричность в выборе номинаций позволяют политику избежать крайностей и занять умеренную позицию [12, с. 71, с. 274].

Воздействие на ментальные модели, знания, ценностные установки адресата в политической коммуникации может быть скрытым, опосредованным, завуалированным. Для установления контроля над сознанием, политики зачастую прибегают к имплицитным способам управления будущими действиями адресата, отказываясь от прямого побуждения к действию. Т.А. ван Дейк, исследуя проблемы дискурсивной репрезентации и конструирования властных отношений, высвечивает значимость косвенного убеждающего характера дискурсивной власти, что, в свою очередь, увеличивает вероятность того, что «в сознании реципиентов будут построены требуемые ментальные репрезентации» [3, с. 86]. Исследование косвенных способов реализации дискурсивной власти в политической коммуникации ставит вопросы о специфике феномена косвенности речевого акта в политическом дискурсе, о количестве иллокутивных функций в косвенном речевом акте и о выявлении индикаторов иллокутивной семантики.

Речевой акт WARNING/ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ представляет собой структуру знания о ситуации предупреждения, в которой сопряжены коммуникативная интенция информирования адресата о возможном будущем нежелательном событии и побудительная интенция, направленная на каузацию адресата предотвратить неблагоприятные для него последствия. Сопряжение иллокуций в речевом акте предупреждения Д Вандервекен иллюстрируют примерами:

а) *I warn you that this part of town is dangerous at night.*

б) *I warn you not to walk alone in this part of the city.*

В примере (а) суждение о потенциальной опасности определённой части города эксплицирует ассертивную иллокутивную цель. В (б) перформативный глагол, подчиняющий отрицательную форму инфинитива, служит индикатором директивной иллокутивной цели побудить адресата не совершать прогулки по городу [13, р. 174]. Таким образом, глагол *warn* в перформативной функции может выступать индикатором как директивной, так и ассертивной коммуникативной интенции. Судя по примерам, различие в иллокутивной семантике находит закрепление и на уровне синтаксиса. Речевой акт предупреждения, таким образом, представляет собой синкретичный/гибридный речевой акт, в котором сопряжены две иллокутивные силы: ассертивная и директивная [8, с. 53].

На основе критерия степени эксплицитности иллокутивной силы в теории речевых актов различаются прямые и косвенные речевые акты [9, с. 195]. В прямом речевом акте иллокутивная сила выражена однозначно в перформативном высказывании. Перформативный глагол, называя речевое действие, указывает на то, какой тип речевого акта осуществляется и тем самым эксплицитно обнаруживает иллокутивную силу высказывания [6, с. 98].

В политическом дискурсе индикатором иллокутивной силы в прямом речевом акте выступает перформативный глагол *warn*, причем на синтаксическом уровне ассертивная иллокутивная цель как суждение о потенциальной опасности актуализируется придаточным с *that*, пропозитивными номинациями, вводимыми предлогами *of/over*. В примере ниже перформативный глагол *warn*, подчиняющий придаточное изъяснительное, эксплицирует ассертивную иллокутивную цель: *I warn the people that there is a coup under way against our democracy and our president Nicolas Maduro* (<https://www.independent.co.uk>) – Министр обороны Венесуэлы в телевизионном обращении предупреждает жителей страны о том, что оппозиция стремится осуществить государственный переворот и свергнуть действующего президента Н. Мадуро.

Директивная иллокутивная цель вербализуется перформативным глаголом *warn*, подчиняющим герундиальный оборот, вводимый предлогами *against, from*: *The oil price has recovered to a reasonable level, new projects are profitable, and I warn against making the period when we have the oil and gas industry as an engine and profitable source of income even shorter than necessary* (<https://clck.ru/32m9QU>) – Интенция главы банка Норвегии, вербализованная пропозицией *warn against making the period even shorter than necessary* направлена на побуждение адресата не совершать отказ от использования углеводородов как источника

энергии. Эксплицитная перформативная формула «Я Вас предупреждаю» воплощает соблюдение условий правомочности лица, произносящего высказывание и особых обстоятельств, в которых высказывание осуществляется [1, с. 307].

Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что перформативная форма выражения речевого акта предупреждения в политическом дискурсе не является частотной, очевидно, это связано с тем, что управление сознанием и предполагаемыми действиями адресата может быть реализовано с помощью имплицитных структур знания, «для активизации которых реципиент получает от продуцента лишь отдельные вербальные ключи» [4, с. 264].

Косвенный речевой акт в традиционной трактовке осуществляется, когда иллокутивная сила не сопоставляется со значением высказывания и один иллокутивный акт осуществляется опосредованно при помощи совершения другого [9, с. 196]. В широком смысле «косвенным» признается всякий коммуникативный акт (как речевой, так и невербальный), действительная цель которого не выражена явно [5, с. 462-470]. Ж.В. Никонова под косвенностью речевого акта понимает косвенность выражения иллокутивной составляющей смысла высказывания. Косвенный речевой акт осуществляется, когда манифестируется одна иллокутивная сила, а другая скрыта, но несет иллокутивную интенцию говорящего. Осуществление косвенного речевого акта связано с реализацией двух или более иллокуций [7, с. 87]. Как было отмечено выше, критериальной характеристикой косвенности речевого акта предупреждения выступает гетерогенность его иллокутивных целей. Д. Вандервекен, анализируя сложные (complex) речевые акты, уточняет, что в таких высказываниях одна иллокутивная сила (F1) имплицирована, когда как другая (F2) высвечивается и «находится на поверхности» [13, р. 127, р. 148].

Косвенный речевой акт трактуется в терминах косвенной речевой стратегии, выбор которой позволяет адресанту эффективнее реализовать коммуникативное намерение. Обоснование стратегичности косвенного речевого акта Т.А. ван Дейк видит в том, что прямой речевой акт «оказывается слишком отрицательным для предмета речи или так или иначе социально нежелательным» [2, с. 291]. В исследовании косвенности речевого акта предупреждения представляется обоснованным задействовать когнитивный механизм распределения внимания, разработанный О.К. Ирисхановой [4, с. 260-277]. Для исследования важна мысль О.К. Ирисхановой о том, что «дефокусирование играет существенную роль в любых косвенных речевых актах, поскольку все они построены на затемнении намерений говорящего» [4, с. 266].

Т.А. ван Дейк высвечивает проблему прагматической интерпретации иллокутивной силы высказывания, формулируя ее через вопрос: «Какая же информация необходима слушающему для идентификации речевых актов?» [2, с. 15]. Вопрос Т.А. ван Дейка нацеливает на выявление индикаторов иллокутивной силы в актуализации косвенных речевых актов предупреждения в политическом дискурсе. Как известно, в условиях борьбы с пандемией дискурс политиков был в значительной степени нацелен на то, чтобы убедить сограждан в необходимости

вакцинации. Судя по анализу эмпирического материала, политические лидеры вместо прямого побуждения пройти вакцинацию, прибегают к косвенным способам выражения побудительной интенции, рассчитывая, что реципиенты воспримут утверждения о недостаточном уровне вакцинации и связанных с этим риском как побуждение к действиям, отвечающим их интересам. В одном из своих обращений Дж. Байден выражает обеспокоенность невысоким уровнем вакцинирования от коронавируса (COVID-19): *As I speak to you millions of Americans are still unvaccinated and unprotected. And because of that, their communities **are at risk**, their friends **are at risk**, the people that they care about **are at risk*** (<https://clck.ru/EUtjh>). Риторический приём синтаксического повтора пропозиции *are at risk* концептуализирует высокую степень риска заражения коронавирусной инфекцией. Однако коммуникативная интенция адресанта-политика направлена не только на информирование о невысокой статистике вакцинации, но и на имплицитное директивное побуждение вакцинироваться. В косвенных речевых актах задействован когнитивный механизм инференции, поскольку распознавание иллокутивной силы косвенного речевого акта требует привлечения помимо языковых, и фоновых знаний. Вышеприведенный речевой акт активизирует знание о необходимости формирования коллективного иммунитета.

Дискурсивная борьба за власть реализуется и в следующем примере речевого акта предупреждения. Во время предвыборной компании Д. Трамп прогнозирует негативный сценарий развития событий, предвещая необходимость для всех граждан изучать китайский язык: *Look, **China will own the United States** if this election is lost by Donald Trump. If I don't win the election, China will own the United States. You're going to have to learn to speak Chinese, you want to know the truth* (<https://hughhewitt.com>). На фоне эксплицированной интенции адресанта прогнозирования возможного экономического порабощения США Китаем (*China will own the United States*) адресатом выводится и имплицитная интенция – ‘голосуйте за меня’. Таким образом, в высказывании эксплицирована ассертивная иллокутивная сила (сообщение о негативных последствиях), а директивная иллокутивная сила (голосовать за кандидатуру Д. Трампа) выводится адресатом как коммуникативная импликатура. В данном примере актуализируется негативное прогнозирование как эффективная тактика для реализации коммуникативной интенции, направленной на побуждение адресата-электората поддержать Д. Трампа.

В декодировании адресатом косвенной иллокуции речевого акта предупреждения выступают свойства грамматической структуры, в частности условные предложения. Условное предложение вводит пропозицию, обозначающую действие, совершение или не совершение которого может привести к прогнозируемым негативным последствиям для адресата. Так, например, премьер-министр Великобритании Т. Мэй в статье газеты «The Mail» прогнозирует риск оставить нерешенным вопрос выхода Великобритании из Евросоюза в случае отказа парламента одобрить ранее достигнутое соглашение с ЕС: *If we don't, we risk ending up with no Brexit at all. This is a time to be practical and pragmatic – backing our plan to get Britain out of the European Union on March 29 next year and delivering for the British people*

(<https://www.dailymail.co.uk>). Фокусированию подвергается ассертивная иллокутивная функция информирования о негативных последствиях в случае невыхода Великобритании из Евросоюза, что, в свою очередь, сопряжено с экономическими проблемами. Косвенным индикатором директивной иллокутивной силы выступает пропозиция *This is a time to be practical and pragmatic*. В медиатекстах представлена интерпретация иллокутивной силы в терминах предупреждения: *U.K. leader Theresa May warns of 'no Brexit at all' if politicians fail to 'come together* (<https://clck.ru/32m9cv>).

Другой грамматической формой реализации косвенного речевого акта предупреждения в политическом дискурсе выступает императив, функцией которого является побуждение адресата к тому, чтобы он выполнил или, наоборот, не выполнил действие, чтобы избежать негативных последствий. Иллокутивная семантика императива актуализируется в выступлении Дж. Байдена в Варшаве, в котором Президент США предупреждает не совершать вторжение на территорию стран НАТО: *Don't even think about moving on one single inch of NATO territory. We have a sacred obligation under Article 5 to defend every inch of NATO territory* (<https://clck.ru/EUtjh>). В данном высказывании фокусированию подвергается директивная сила речевого акта предупреждения, пропозициональное содержание которого актуализирует побудительную интенцию не совершать действий, которые повлекут за собой негативные события. Интенсификатором иллокуции предупреждения выступает наречие *even*. Неблагоприятными последствиями для адресата являются ответные совместные военные действия США и других стран НАТО. В медийной интерпретации данный речевой акт категоризируется как предупреждение, например, в заголовке «The Economic Times»: *Biden warns Putin* (<https://clck.ru/32mA5R>). В других медиатекстах форма повелительного наклонения в первичном речевом акте получает интерпретацию номинациями *plainly warned* (недвусмысленно предупредил), *stern warning* (строгое предупреждение): *Biden plainly warned Russia: Don't even think about moving on one single inch of NATO territory* (<https://clck.ru/32mA6j>) и «*US President Joe Biden, standing along NATO's eastern edge in Poland, issued a stern warning to Russia's Vladimir Putin ...*» (<https://clck.ru/32mA8J>).

Таким образом, в интерпретации косвенного речевого акта предупреждения в политическом дискурсе задействован когнитивный механизм сдвига фокуса внимания. Сопряжение иллокутивной силы ассертива и директива в речевом акте предупреждения проявляется в вариативности экспликации каждой иллокутивной силы. В зависимости от коммуникативной ситуации эксплицитное представление получает либо ассертивная цель, либо директивная. Фокусирование ассертивной цели сопровождается косвенностью выражения директивной, в случаях экспликации директивной цели, косвенное выражение получает ассертивная цель. Основой гибридного косвенного речевого акта предупреждения является косвенность выражения одной из его иллокутивных сил.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002. 448 с.

2. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БКГ им. И.А. Бодуэна де Куртуне, 2000. 308 с.
3. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации // Семантика. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 352 с.
4. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
5. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Об одном способе косвенного информирования // Известия АН СССР. Серия: Литература и язык 1988. № 5. С. 462-470.
6. Красина Е.А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 91-102.
7. Никонова Ж.В., Мидова Е.О. Проблема косвенности речевых актов (на примере современного немецкого языка) // Современная германистика и западноевропейская литература. Вып. 3. М.: ФЛИНТА 2021. С. 71-100.
8. Семенова Т.И., Скулимовская Д.А. Речевой акт предупреждения в англоязычном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический анализ // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 4 (31). С. 48-63.
9. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс. Вып. 17, 1986. С. 195-222.
10. Синельникова Л.Н. Речевой акт: от обязательного минимума к дискурсивному максимуму // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 187-211.
11. Шевченко И.С. Речевой акт как единица дискурса: когнитивно-прагматический подход // Тверской лингвистический меридиан: Сб. научных статей. Вып.7: В мире языка. 2007. С. 69-80.
12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.–Волгоград: Перемена, 2000. 365 с.
13. Vanderveken D. Meaning and Speech Acts. Principles of language use. Cambridge: Cambridge University Press. Vol. 1, 1990. 244. p.

© Семенова Т.И., Скулимовская Д.А., 2022